

Мордовцев Даниил Лукич

На Арарат

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д18

Д18 **Даниил Лукич М.**
На Арарат / Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 170 с.

ISBN 978-5-519-97427-1

ISBN 978-5-519-97427-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

голубицу посмотрѣть— «уступила-ли вода отъ лица земли». Но голубица, «не обрѣтши покоя ногами своими» — не найдя сухого мѣста, гдѣ-бы могла сѣсть, ни деревца, ни влочка земли, свободнаго отъ воды, возвратилась въ ковчегъ: «яко бѣше вода по всему лицу земли». Тогда Ной протянулъ въ оконце руку свою. Голубица сѣла на руку и снова внесена была въ ковчегъ. Затѣмъ, выждавъ еще семь дней, Ной опять выслалъ голубицу изъ ковчега. Къ вечеру она возвратилась, держа въ клювѣ масличную вѣточку съ зелеными листьями: «и позна Ной, яко уступила вода отъ лица земли».

Въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ рассказываетъ Книга Бытія о чудесномъ спасеніи отъ конечной гибели допотопнаго человѣка и вмѣстѣ съ нимъ животныхъ, нынѣ населяющихъ землю. Библія указываетъ и мѣсто спасенія человѣчества отъ всемірнаго потопа: — это Араратъ.

Вотъ эту-то колыбель современнаго, послѣпотопнаго человѣчества мы и хотѣлось видѣть послѣ того, какъ я уже имѣлъ счастье видѣть, въ 1881 году, колыбель допотопнаго, первобытнаго человѣка и, можно сказать, колыбель нашихъ современныхъ знаній, нашей культуры, нашего просвѣщенія: въ 1881 году я посѣтилъ Палестину и видѣлъ ту самую землю, изъ которой, по свидѣтельству той-же Книги Бытія, Богъ создалъ перваго человѣка, — землю, которую этотъ первый человѣкъ топталъ своими ногами и обливалъ потомъ, добывая себѣ изъ нея хлѣбъ послѣ грѣхопаденія, и въ которую онъ потомъ сложилъ свои кости; я посѣтилъ тогда-же и поэтическій Египетъ — колыбель нашихъ знаній, Египетъ, знанія котораго воспитали и боговдохновеннаго автора Книги Бытія.

Послѣ Палестины и Египта естественно было желать видѣть Араратъ: послѣ восхожденія на пирамиду Хеопса и послѣ благоговѣйнаго созерцанія Іерусалима съ его Гол-

говою, Кедронскимъ потокомъ и Елеонскою горою, послѣ созерцанія Іерихона, Мертваго моря, Іордана и другихъ, священныхъ для насъ, евангельскихъ мѣстъ, мнѣ неудержимо хотѣлось видѣть библейскую святыню и совершить восхожденіе на ея недосягаемую высоту, въ ту таинственную область, куда воображеніе библейскаго человѣка помѣстило спасагося отъ всемірной гибели своего прародителя-Ноя, съ его ковчегомъ, ворономъ и голубицею, и гдѣ воображеніе современнаго человѣка доселѣ думаетъ обрѣсти если не самый ковчегъ, какъ памятникъ чудеснаго нетлѣнія, то по крайней мѣрѣ то мѣсто, гдѣ онъ остановился когда-то.

И я рѣшился нынѣшнимъ лѣтомъ—лѣтомъ 1882 года—отправиться въ Малую Азію, чтобы видѣть Араратъ и попытаться взойти на него. Кромѣ того, что видѣть Араратъ—это значить видѣть тѣ мѣста, съ которыми человеческое воображеніе связало свою вторую родину послѣ потери первымъ человѣкомъ своей чудесной и таинственной родины — земного рая: это значить лично созерцать то мѣсто, гдѣ Ной, тотчасъ послѣ потопа выйдя изъ ковчега, принесъ Богу благодарственную жертву за свое спасеніе и гдѣ онъ въ память этого великаго событія посадилъ первую виноградную лозу; кромѣ всего этого, быть на вершинѣ Арарата—это значить стать на такой высотѣ, съ которой можно было-бы обнять взоромъ необозримыя пространства далеко за предѣлами обыкновеннаго, доступнаго человѣческому глазу горизонта, и мало того—видѣть разомъ, какъ въ волшебной панорамѣ, весь Кавказъ и Закавказье, всю сѣверную Персію и мало-азійскую Турцію и въ довершеніе всего—оба моря, Каспійское и Черное.

Правда, я раньше зналъ, что восхожденіе на Араратъ сопряжено съ неимовѣрными трудностями и опасностью

для жизни; что вслѣдствіе этого библейскую гору посѣтили очень немногіе ученые и смѣльчаки вродѣ Спасскаго-Автомова (въ 1834 году); что иные за это восхожденіе поплатились здоровьемъ и что еще хуже—жизнью; что, наконецъ, по мѣстному вѣрованію, по упорному представленію тамошнихъ курдовъ, персіанъ, татаръ, армянъ и даже армянскаго духовенства, попытка взойти на библейскую священную гору считается дѣломъ дерзкимъ и богопротивнымъ, дѣломъ, за которое жестоко караютъ ослушниковъ какъ христіанскій Богъ, такъ и Алахъ, обыкновенно силою вѣтра, могучимъ дыханіемъ своимъ сдувающій дерзкаго съ полугоры въ какую-нибудь пропасть,— правда, повторяю, я зналъ все это, зналъ, на какой опасный подвигъ я себя обрекалъ; я зналъ, напр., что Ходзько, во главѣ цѣлой экспедиціи совершившій въ 1850 году восхожденіе на Араратъ, очутился тамъ съ своими спутниками «въ серединѣ грозовой тучи, представлявшей электрическую батарею гигантскихъ размѣровъ», гдѣ «молнія—какъ выражался самъ покойный Ходзько—зигзагами, повидимому, не менѣе сажени шириною (молнія въ сажень шириною — это ужасно!), въ сопровожденіи сильнѣйшихъ ударовъ грома», непрерывно бороздила воздухъ и разрушала цѣлыя скалы, —я зналъ все это, и, несмотря ни на что, безповоротно рѣшился на опасное дѣло, не вникая опасеніямъ друзей, которыхъ пугала моя будущая участь.

Раньше моего отъѣзда я прочиталъ по возможности все, что писано было объ Араратъ, и въ особенности то, что писали о своемъ восхожденіи на библейскую гору лица, которымъ суждено было совершить этотъ подвигъ: Парротъ, Автономовъ-Спасскій, Беренсъ, Абихъ, Ходзько. Вообще литература этого предмета довольно обширна, особенно-же если принять во вниманіе то, что только съ

конца прошлаго вѣка въ сущности стали доступны для европейцевъ предѣлы, гдѣ находится библейскій гигантъ *).

Наконецъ, желая заручиться ближайшими свѣдѣніями о занимавшемъ меня предметѣ — свѣдѣніями не изъ книгъ, которыя я прочиталъ, а отъ живыхъ людей, и въ видахъ завербовки охотниковъ совершить со мною подвигъ восхожденія на ветхозавѣтную святыню, я обратился за этими свѣдѣніями въ Тифлисъ, къ И. Ф. Тхоржевскому, даровитому редактору безвременно погибшей «Фаланги». Онъ обязательно сообщилъ мнѣ эти свѣдѣнія и, между прочимъ, извѣщалъ, что онъ самъ готовъ быть моимъ спутникомъ въ араратской экспедиціи и что, вѣроятно, найдутся въ Тифлисъ и другіе охотники раздѣлить со мною и опасности, и обаяніе этой экспедиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ мнѣ, что удобнѣйшее для восхожденія на великую гору время—это отъ 1-го до 15-го августа; и вообще не ранѣе 15-го іюля, такъ какъ раньше этихъ чиселъ восхожденіе совсѣмъ невозможно по случаю застилающихъ вершину горы огромныхъ массъ снѣга и частыхъ снѣжныхъ обваловъ, а равно горныхъ бурь и грозъ; что самое восхожденіе на гору должно совершиться съ персидской территоріи; что изъ ближайшаго къ горѣ селенія Новыхъ Ахуръ нужно будетъ взять до десяти человѣкъ проводниковъ, съ платою по 2—3 рубля въ сутки; что подѣ-

*) Вотъ перечень лицъ, всходившихъ на Араратъ (ихъ было слишкомъ немного) или только писавшихъ о немъ: изъ русскихъ—*Парротъ*, *Энгельгардтъ* и *Обовьяницъ* (армянинъ, магистръ, погибшій безвѣстно), *Спасскій-Автижомовъ* (Восхожденіе на Араратъ. Москва. 1839). *Абухъ* (Горный журналъ. 1846. II), *Ходзько*, *Ханьковъ* (Записки военно-топограф. депо. XVI. 1854); изъ иностранцевъ—*Tournefort*, *Böhrens* (Двукратное восхожденіе на Араратъ (первое не удалось). Перев. въ журналѣ мин. внутр. дѣлъ. 1838. XXVIII), *Güldenstädt*, *Moeierker*, *Porter*, *K. v. Raumer*, *St. Martin*, *Hermann*, *Dubois de Montpereux*, *Wagner*.

емъ на гору и спускъ съ нея займутъ дня четыре, и что въ Петербургѣ нужно будетъ запастись темными очками по глазамъ для предохраненія зрѣнія отъ убійственнаго дѣйствія отражаемыхъ горнымъ снѣгомъ солнечныхъ лучей, кожанымъ непромокаемымъ костюмомъ — курткую, панталонами и плащомъ, а также хорошею зрительною трубой.

Скоро настало и время, когда я долженъ былъ пуститься въ далекій и, какъ оказалось впоследствии, опасный путь.

Я выше сказалъ уже о тѣхъ нравственныхъ побужденіяхъ, которыя влекли меня къ безмолвному свидѣтелю величайшаго на землѣ событія: это — свѣтлыя воспоминанія дѣтства, которыя не умираютъ съ годами.

Но были и другія, болѣе суровыя побужденія.

Кто изъ мыслящихъ людей не испыталъ на себѣ тяжелаго, удручающаго гнета общественной жизни послѣднихъ лѣтъ? Кто изъ насъ не задыхался въ удушающей атмосферѣ—если можно такъ выразиться безъ всякаго обиднаго намека на чей-либо счетъ—въ удушающей атмосферѣ новаго времени? И кого не тянуло вырваться на свѣжій воздухъ изъ этого душнаго, затхлаго погреба, когда повидимому не представлялось никакой возможности такъ или иначе оздоровить этотъ гнилой воздухъ? Многіе дѣйствительно и убѣгали изъ этого погреба хоть на время, лишь-бы не задохнуться.

Убѣгалъ и я въ эти тяжелые годы далеко отъ горемычной родины, убѣгалъ съ такимъ чувствомъ, какъ-будто бы искалъ убѣжать отъ самого себя. Да оно и было въ сущности и то и другое—какое-то сугубое бѣгство.

Дѣйствительно—глубокое недовольство окружающей жизнью и вмѣстѣ съ тѣмъ самимъ собою, недовольство всѣмъ, чѣмъ до нѣкоторой степени наполнялось ваше су-

ществованіе изо-дня въ день, до новѣй, лучшей зари; недовольство, такъ-сказать, и небомъ, и землей, живыми и мертвыми, настоящимъ и прошедшимъ, которое не умѣло сдѣлать насъ такими, какъ «иные прочіе человѣцы»; наконецъ недовольство даже своими собственными скромными трудами, тѣми бѣдными работишками досужаго пера, которыя являлись какъ продукты историческихъ дедукцій отъ сквернаго настоящаго къ еще болѣе скверному прошедшему, отъ «Петра» къ «квивающему на него Климичу»; чувство внутренняго протеста противъ самого себя и всѣхъ этихъ «квивающихъ» на современную обидную жизнь «идеалистовъ и реалистовъ», «царей и гетмановъ», «Лжедмитріевъ» и «Сагайдачныхъ» даже вплоть до «Двѣнадцатыхъ годовъ» и «Великихъ расколовъ» и иныхъ многихъ писаній, ихъ же имена ты одинъ вѣси, Господи,— все это толкало мысль мою и волю искать чего-то новаго, другого, а если и стараго, очень даже стараго, какъ пирамиды, то такого, чего я еще не видывалъ сроду, чего еще не переиспыталъ, не перечувствовалъ. И я ѣхалъ искать удовлетворенія этихъ порывовъ духа на дальній Востокъ—въ Египетъ, въ Палестину, на Араратъ. И мнѣ казалось, чувствовалось, что именно тамъ, подъ чужимъ небомъ, подъ тропическимъ солнцемъ пирамидъ и выжженныхъ гнѣвомъ Іеговы холмовъ и долинъ Іерусалима я забылъ свою тоску, то духовное сиротство и недовольство, которое грызло мою душу на родинѣ.

Съ такимъ чувствомъ, съ этими именно суровыми побужденіями я предпринялъ путешествіе къ Арарату.

Кто-же могъ знать, что оно кончится такъ гибельно для меня!

Оказалось, что Араратъ—не Чатырдагъ, не пирамида Хеопса.

II.

Отъ Тифлиса до Караячской степи.

Я выѣхалъ изъ Петербурга 24-го іюля. Я рассчитывалъ, что начну восхожденіе на Араратъ числа 2—3 августа. 6-го августа, въ день Преображенія, я мечталъ быть на вершинѣ библейской горы.

Мой путь лежалъ конечно черезъ Кавказъ. Этотъ величественный и прелестный уголокъ нашей планеты я видѣлъ уже не первый разъ. Переѣздъ черезъ грозный хребетъ по роскошной грузинской дорогѣ возобновилъ въ душѣ моей то чувство глубокаго удивленія, какое невольно испытываешь съ глазу на глазъ съ такими подавляющими своимъ величіемъ картинами природы, передъ которыми робко смиряется въ какомъ-то тихомъ умиленіи словно-бы запуганная мысль.

Но не эти картины манили къ себѣ мою душу.

3-го августа я выѣзжалъ уже изъ Тифлиса по эриванской дорогѣ. Покидалъ я Тифлисъ съ тяжелымъ чувствомъ одиночества и неизвѣстности. Уѣзжая изъ Петербурга въ далекій путь съ дерзкимъ намѣреніемъ достигнуть того, на что не всякій могъ рѣшиться и достигнуть чего суждено было очень немногимъ, я везъ съ собой увѣренность, что въ моей попыткѣ «отыскать ковчегъ» и привезти въ Петербургъ хоть осколокъ, «хоть щепочку» допотопнаго фрегата, какъ просили меня о томъ мои петербургскіе друзья, съ боязнью провожавшіе меня, такъ сказать, въ ветхозавѣтную экскурсію, — я имѣлъ увѣренность, что мнѣ придется не одному пуститься за поисками ковчега. Я рассчитывалъ въ этомъ случаѣ на г. Тхоржевскаго, а главнымъ образомъ на г. Лох-

тина, молодого и талантливаго инженера, успѣвшаго уже сдѣлать немало экскурсій: г. Лохтинъ очень желалъ отправиться со мною на библейскую гору, и хотя долженъ былъ ранѣе ѣхать въ Бессарабію для открытія судоходства по Днѣстру, однако убѣдительно просилъ меня извѣстить его о днѣ моего выѣзда, чтобы онъ успѣлъ во-время выѣхать изъ Бессарабіи и встрѣтиться со мной въ Тифлисѣ. Кромѣ того, я надѣялся имѣть своимъ спутникомъ горнаго инженера фонъ-Кошкуля, находящагося на службѣ въ Тифлисѣ:—на его опытность и знакомство со всевозможными капризами и ужасами горъ я вполне могъ положиться, ибо онъ, уже по своей спеціальности, неоднократно взбирался на горы какъ въ Европѣ, Азіи, такъ и въ Америкѣ. Но надеждамъ моимъ не суждено было сбыться. Ни г. Тхоржевскій, ни г. фонъ-Кошкуль не могли ѣхать со мной, какъ ни желали этого и какъ ни завидовали мнѣ, ибо каждаго задерживали въ Тифлисѣ очень уважительныя причины; Лохтинъ-же, разъѣзжая по Бессарабіи съ мѣста на мѣсто, не могъ получить моего письма своевременно и потому не могъ встрѣтиться со мной ни въ Тифлисѣ, ни въ Эривани.

Вотъ почему я выѣзжалъ изъ Тифлиса съ горькимъ чувствомъ какой-то повинности, которая не могла не пугать меня. Такой повинности я не чувствовалъ ни въ Египтѣ, ни въ Палестинѣ. Тамъ мое одиночество было не такое полное, не такое угнетающее, какъ здѣсь, хоть то и была для меня въ полномъ смыслѣ «чужа дальняя сторона». Изъ Тифлиса я выѣзжалъ съ однимъ только ямщикомъ-татаринѣмъ, который очень плохо понималъ по-русски, и долженъ былъ проѣхать 250 верстъ на перекладныхъ по мѣстности, далеко не безопасной. Объ опасностяхъ этой дороги я узналъ уже въ Тифлисѣ, гдѣ меня предупреждали быть осторожнымъ: такъ, на разгонномъ дворѣ, гдѣ

я предъявлялъ подорожную для отпуска мнѣ лошадей, я получилъ предостереженіе въ томъ смыслѣ, что было-бы благоразумнѣе, еслибы я не пускался въ путь одинъ, не заручившись, по крайней мѣрѣ, хоть однимъ спутникомъ, а добрыйшій г. фонъ-Кошкуль прямо совѣтовалъ мнѣ не только не пускаться въ путь ночью, но даже и вечеромъ не рисковать удаляться отъ станціи.

— Если дорожите временемъ, добавилъ онъ, то лучше выѣзжайте со станціи къ концу ночи, а не ѣздите вечеромъ, хотя-бы было еще свѣтло.

— Почему-же? недоумѣвалъ я.

— А потому, что съ вечера разбойники, сдѣлавъ пакость, за ночь успѣютъ убраться чортъ-знаетъ куда; а къ утру имъ шалить неудобно.

— Хороши шалости!

— Да... Но въ тѣхъ мѣстностяхъ жизнь цѣнится не дороже...

— Не дороже ока кишмиша?

— Пожалуй!

Впрочемъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію мѣстныхъ властей на Кавказѣ, мое путешествіе въ томъ краѣ было обставлено достаточно солидными гарантіями, и я съ глубокой признательностью долженъ упомянуть имена—г. начальника главнаго управленія, главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ, генералъ-лейтенанта Старосельскаго, г. попечителя казанскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго и г. начальника почтоваго округа, генеральнаго штаба полковника Томича. Г. Старосельскій снабдилъ меня открытымъ листомъ, въ которомъ между прочимъ говорилось, кому вѣдать надлежало: «прошу мѣстныя власти предъявителю сего (такому-то, имя рекъ) прибывшему на Кавказъ съ ученою цѣлью, оказывать возможное содѣйствіе и покровительство къ

благополучному и безопасному слѣдованію какъ по почтовымъ трактамъ, такъ и внѣ оныхъ, давая ему, гдѣ возможно и необходимо, надлежащій конвой изъ земской стражи». Съ своей стороны, г. Томичъ далъ мнѣ нѣчто вродѣ «опасной грамоты», какъ выражались наши предки, и въ грамотѣ этой между прочимъ оповѣщалось: «прошу г.г. станціонныхъ смотрителей по тракту отъ Тифлиса до Эривани и по почтовымъ трактамъ Эриванской губерніи оказывать содѣйствіе успѣшному и безостановочному проѣзду *такого-то* (вашего покорнѣйшаго слуги), путешествующаго съ ученою цѣлью (гдѣ тамъ съ ученою! — просто въ качествѣ ротозѣя-туриста). Смотрителя обязываются обращать особенное вниманіе на обезпеченіе возможно удобныхъ на станціяхъ ночлеговъ».

При всемъ томъ я покидалъ Тифлисъ съ тревожнымъ чувствомъ, и когда на заставѣ, послѣ поднятія шлагбаума, въ утреннемъ воздухѣ раздался рѣзкій звонъ моего почтового колокольчика, въ душѣ моей безпокойно зашевелился вопросъ: съ какимъ чувствомъ я подѣду подъ этотъ шлагбаумъ на возвратномъ пути, да и суждено-ли мнѣ возвратиться вообще изъ невѣдомаго далека?

Мимо меня пронеслась другая тройка, шибко звеня колокольцами и еще шибче пыля по шоссе мостовой. Эта тройка везла какого-то офицера въ кителѣ и бѣлой фуражкѣ подъ зонтикомъ. Безъ зонтика въ томъ пеклѣ, въ какое вы попадаете за Кавказомъ, ѣздить положительно немислимо, потому что вы ѣдете въ почтовой перекладной телѣжкѣ безъ верху, безъ всякаго подобія какой-нибудь кибитки. Вы удивляетесь только, какъ это выносить такое пекло голова ямщика-татарина, сидящаго на козлахъ и лѣниво понукающаго лошадокъ. Но это голова привычная, тѣмъ болѣе, что она почти всегда обвязана платкомъ сверхъ шапки, а еще чаще покрыта такою чу-